

(1) Толстой вошёл в мою жизнь, не представившись. (2) Мы с ним уже активно общались, а я всё ещё не подозревал, с кем имею дело.

(3) Мне было лет двенадцать, то есть после войны прошло около двух лет, когда маму на лето назначили директором пионерского лагеря.

(4) И однажды к нашему дому подвезли на грузовике и горой вывалили в комнате прямо на пол книги — основательно бывшие в употреблении, но весьма разнообразные по тематике. (5) Кто-то заранее побеспокоился, не без маминого, думаю, участия, чтобы для детей была создана библиотека.

(6) «Ваше любимое занятие?»

— (7) «Рыться в книгах». (8) Это и про меня. (9) Тогда, в детстве, тоже рылся. (10) Пока в один счастливый момент не выудил из этой горы потрёпанный кирпичик: тонкая рисовая бумага, старинные буквы «еры» и «яти», обложек нет, первых страниц нет, последних нет. (11) Автор — инкогнито.

(12) Глаз упал на начало, которое не было началом, а дальше я оторваться от текста не смог. (13) Я вошёл в него, как в новый дом, где почему-то всё оказалось знакомым: никогда не был, а всё узнал. (14) Поразительно! (15) Казалось, неведомый автор давно подсматривал за мной, всё обо мне узнал и теперь рассказал: откровенно и по-доброму, чуть ли не по-родственному.

(16) Написано было: «По тому инстинктивному чувству, которым один человек угадывает мысли другого и которое служит путеводной мыслью разговора, Катенька поняла, что мне больно её равнодушие...» (17) А ведь сколько раз и мне случалось, как и неведомой Катеньке, в разговоре инстинктивно угадывать «мысли другого»! (18) Как точно...

(19) Или в другом месте: «Глаза наши встретились, и я понял, что он понимает меня и то, что я понимаю, что он понимает меня...» (20) Опять лучше не скажешь! (21) «Я понимаю, что он понимает...»

(22) И так на каждой странице. (23) «В молодости все силы души направлены на будущее...» (24) Одни понятные и разделённые мечты о будущем счастье составляют уже истинное счастье этого возраста». (25) Опять моё! (26) Так и есть: каждый день твоих детства-отрочества, если они нормальны, будто сплавлен солнцем и светом ожидания, чтобы твоё предназначение состоялось. (27) Но как выразить вслух это снедающее тебя предчувствие, можно ли передать его словами? (28) Пока ты мучим неодолимой немотой, этот автор-инкогнито всё за тебя успел рассказать.

(29) Но кто он был — неведомый автор? (30) Чья такая волшебная книга оказалась у меня в руках?

(31) Надо ли говорить, что ни в какую библиотеку она не поехала: с обглоданными своими началом и концом она осталась у меня лично.

(32) Позже я узнал её и в переплётё: «Детство», «Отрочество», «Юность» Льва Николаевича Толстого. (33) Вот так Толстой вошёл в мою жизнь, не представившись.

(34) Иллюзия узнавания — непременная особенность классических текстов. (35) Их авторы — классики, потому что пишут для всех. (36) Это верно. (37) Но они ещё и потому вечные классики, что пишут для каждого. (38) Это верно в не меньшей степени.

(39) Юный простак, я «купился» именно на последнее. (40) Эксперимент был проведён чисто: автора скрыли. (41) Магия имени не довлела над восприятием текста. (42) Текст сам отстоял своё величие.

(43) Толстовская «диалектика души», впервые отмеченная нелюбезным Владимиру Набокову Николаем Чернышевским, как шаровая молния в форточку, сияя, влетела в очередное неопознанное читательское сердце.

(По Д. К. Орлову\*)

\* Даль Константинович Орлов (род. в 1935 г.) — критик, драматург, сценарист, публицист.

Среди предложений 32–42 найдите такое(-ие), которое(-ые) связано(-ы) с предыдущим(-ими) с помощью притяжательного местоимения и однокоренных слов. Напишите номер(-а) этого(-их) предложения(-ий).